

«Обедав несколько раз у нашего посланника барона Брюнова¹, я с особенным удовольствием слушал, как англичане играли наш народный гимн: «Боже, Царя храни»; это удовлетворяло самолюбие Русского артиста...»

А.Ф. Львов «Записки»²

22 января 2018 года. Дожливый, серый день типичного зимнего Лондона. Мы стоим в самом центре Британской столицы на улице Мэрилебон Роуд³, что рядом с Риджентс-парком⁴, перед главным входом в Королевскую академию музыки Лондона⁵. В наших руках только что полученная копия рукописного документа-протокола о внесении Алексея Фёдоровича Львова в список почётных членов академии. Документ подписан основателем академии лордом Вестморландом в стенах этого здания ровно 175 лет назад. Мы нашли его и тем самым подтвердили почётный статус русского композитора. Документ гласит:

«День Комитета

Пятница 20 января 1843 года

Присутствовали

Сэр Джордж Клерк, Барт МП

Сэр Уильям Кертис, Барт

Сэр Эндрю Ф. Барнард, КСВ

Сэр Джон Кэмпбелл

Были зачитаны протоколы слушаний на последнем заседании Комитета.

Госпожа Гамильтон подала в Комитет письмо, полученное от лорда Вестморланда вместе с партией музыки, сочинённой господином Алексеем Львовым, предлагая его имя для внесения в список почётных членов академии. Принято, стандартный диплом оформлен и направлен по указанию; и что его светлость попросила передать от имени комитета благодарность господину Алексею Львову за музыку, которую он так любезно предоставил в учреждение и сообщить ему, что его имя внесено в список почётных членов Королевской академии музыки».

В 2018 году исполняется 220 лет со дня рождения Алексея Фёдоровича Львова (1798–1870) – блестящего офицера, всемирно известного скрипача-виртуоза, композитора, инженера, общественного деятеля, руководителя Придворной певческой капеллы, автора музыки первого гимна Российской империи «Боже, Царя храни!» и 185 лет (1833/34) со дня первого исполнения гимна.

¹ Брюнов – Бруннов Филипп Иванович (1797–1875) – русский дипломат, действительный тайный советник (1856). Дольше, чем кто-либо в истории, занимал посты посланника и посла России в Великобритании (1840–1874).

² Львов А.Ф. Записки. Русский архив, 1884. Т.2. Кн. 3–4. С. 244–245. («Записки»).

³ Marylebone Road, NW1 5HT, London – адрес Королевской академии музыки.

⁴ Regent's Park, London – название городского парка.

⁵ The Royal Academy of Music of London – находится под началом Лондонского университета. Была основана в 1822 году Лордом Вестморландом (полное John Fane, 11th Earl of Westmorland, 1784–1859).

При жизни музыкальный талант Алексея Фёдоровича Львова был отмечен званиями магистра Болонской академии, почётного члена Лондонской, Сицилийской (в Риме) и Венской академий, Берлинской академии изящных искусств, академика и профессора класса капельмейстеров Флорентийской академии изящных искусств. Композиторский талант Львова и его музыкальные познания высоко ценились Берлиозом¹ и Листом², а заслуги в деле церковного пения признаны всеми специалистами в этой области.

А начиналось все в Ревеле (ныне Таллин – столица Эстонской республики), где он родился 25 мая 1798 года, но детские годы провёл в Петербурге. Алексей был представителем известной дворянской аристократической фамилии, все члены которой были глубоко образованными людьми. Например, его прадед Пётр Семёнович Львов (умер 1746) во время персидского похода Петра I сложил из фольклорных цитат ставшую впоследствии народной песню «Уж как пал туман на сине море»⁴. Его отец Фёдор Петрович Львов (1766–1836) – был выдающимся музыкальным деятелем своего времени, а также отличным скрипачом, поэтом и писателем, автором книги «О пении в России»⁵. Он владел огромной музыкальной библиотекой и ценнейшей коллекцией музыкальных инструментов, в которую входили скрипки Страдивари, Штайнера, Амати, Гварнери, Клоца, Маджини.⁶ Фёдор Петрович был близко знаком с Гаврилой Державиным⁷. После смерти Дмитрия Бортнянского⁸ он стал директором Петербургской придворной капеллы, которой руководил до самой своей смерти (с 1816 по 1836 год). Он сумел и сыну привить понимание музыки. Очень знаменит был двоюродный брат отца Николай Александрович Львов (1753–1803) – выдающийся деятель русской культуры эпохи Просвещения, больше известен сегодня как архитектор, но интересы его были чрезвычайно разносторонними. Он был поэтом и переводчиком, художником и гравёром, музыкантом и фортепианостроителем, тонким художественным критиком и автором крупных придворных художественно-символических программ, собирателем русских народных песен, издателем, археологом и естествоиспытателем, также изучал русский фольклор и был одним из составителей «Собрания народных русских песен с их голосами»⁹. Он был членом Российской академии (1783), почётным членом петербургской Академии художеств (1786). Вокруг Н.А. Львова группировался литературный кружок, кружок художников, кружок музыкантов (И. Прач, Е.И. Фомин, Дж. Сарти)¹⁰.

С самого раннего детства Алексей был окружён музыкой, литературой и театром. В доме постоянно устраивались музыкальные вечера, литературные салоны, спектакли – это было не только обязательным атрибутом воспитания того времени. В доме Львовых и его окружении это было жизненной необходимостью: при Павле I служба была строго регламентирована. Только участие в салонах и кружках позволяло хоть на время посмотреть на мир глазами искусства.

Творческая обстановка в семье благотворно сказывалась на воспитании детей. Получая дома всестороннее образование, дети обучались ещё и игре на музыкальных инструментах, чаще всего на скрипке, так как сам Фёдор Петрович неплохо владел этим инструментом. Маленькому Алексею так нравилась скрипка, что даже его игрушками были детские скрипочки, которые ему дарил отец.

¹ Берлиоз Гектор (1803–1869) – французский композитор, дирижер, музыкальный писатель периода романтизма. Член Института Франции (1856).

² Лист Франц (1811–1886) – венгерский композитор, писанист-виртуоз, педагог, дирижер, публицист. Основатель Веймарской школы в музыке.

³ Петр I Алексеевич (1672–1725), царь с 1682 года, император Всероссийский с 1721 года, основатель второй столицы России.

⁴ См. Львов Н.А. Письмо Н.А. Львова к П.Л. Вельяминову//Московский журнал. 1791. Ч.4.

⁵ СПб., 1834.

⁶ Скрипичные мастера: Страдивари Антонио (1644–1737), Штайнер Якоб (1617–1683), Амати Николо (1596–1684), Гварнери Андреа (1626–1698), Клоц Йозеф (1743–1809), Маджини Джованни (1580–1632).

⁷ Державин Гавриил Романович (1743–1816), русский поэт эпохи Просвещения, государственный деятель Российской империи, сенатор, действительный тайный советник.

⁸ Бортнянский Дмитрий Степанович (1751–1825) – русский композитор, дирижер, певец. Воспитанник, позднее управляющий Придворной певческой капеллой в Санкт-Петербурге. Считается создателем классического типа русского хорового концерта.

⁹ «Собрание народных русских песен с их голосами», Н.А. Львов – И. Прач (1-е издание – 1790, 2-е издание – 1806, 3-е издание – 1815) являются первыми печатными сборниками русских народных песен и как в силу этого, так и благодаря огромной ценности включённых в них песенных материалов имеют выдающееся музыкально-историческое значение.

¹⁰ Музыканты и композиторы: Прач Иван (1750–1818), Фомин Е.И. (1761–1800), Сарти Джузеппе (1729–1802).

Музыкальные способности Алексея проявились очень рано, и серьёзные занятия начались с пяти лет. И вскоре Алексея отдадут лучшим скрипичным педагогам Петербурга: Кайзер, Витта, Бо, Шмидек, Лафон и Бем¹.

К семи годам Алексей разыгрывал все ноты старинных сочинений, которые батюшка выписывал из всех стран Европы. Уже в этом возрасте Алексей начинает выступать в домашних концертах, играя сначала в квартетах партию второй скрипки, но затем ему поручают первую скрипку в квартетах Плейеля, Боккерини и даже Моцарта.² В девять лет Алексей Львов выступает публично с концертами.

В 1810 году умирает мать³ Алексея, и Федор Петрович остается вдовцом с 10 детьми на руках. В эти же годы род Львовых постигает еще одно несчастье – дети Николая Александровича Львова остаются круглыми сиротами⁴. Их забирают в свою семью Державины: Гавриил Романович и Дарья Алексеевна, приходящаяся родной тёткой им.⁵ Одна из сестёр, Елизавета⁶, умная, своенравная и с детства имевшая независимый характер, становится секретарём своего дяди – поэта Державина.

К двадцати годам Елизавета Николаевна, очень красивая и привлекательная девушка, всесторонне образованная, пользующаяся большим успехом у мужчин, отказывается от любых предложений руки и сердца. Она полюбила своего двоюродного дядю, Фёдора Петровича, которого знала всю жизнь. Они тайно венчаются в 1810 году. Алексей Львов в своих «Записках» говорит о ней замечательные слова: «На десятом году моего возраста матушка скончалась; но Бог не оставил нас: он дал нам мать другую, составляющую и поныне связь и счастье всей семье». (Это написано в 1847 году, когда Алексею Фёдоровичу было уже около пятидесяти лет).

В 16 лет Алексей Фёдорович поступил в Санкт-Петербургский институт путей сообщения, а в 20 – вышел «первым учеником» (его фамилия была выбита золотыми буквами на почётной мраморной доске лучших выпускников). В 1818 году последовало высочайшее распоряжение, чтобы первый по успехам офицер, выпущенный из Института путей сообщения, поступил на службу в округа военных поселений и 9 июня 1818 года Алексей Львов был произведён в поручики и откомандирован к месту службы. Таким образом, изнеженный, неопытный, не имеющий представления, что такое подчинение, юноша сразу попал в суровую школу. Служба, по словам его, была невероятно тяжела. Строительство велось сезонно – с весны до ноября. Бремя тяжкого подневольного труда лежало на солдатах, но производители работ обязаны были находиться при них неотлучно. Распорядок дня был изнуряющим, за гранью человеческих возможностей: с 3-х утра до полудня и с часу дня до 9 часов вечера. Выходной полагался лишь один – по воскресеньям.

Несмотря на это, Алексею Львову удалось заслужить благосклонность своего сурового начальника, так что уже в приказе 12 июля 1819 года последний объявил благодарность молодому инженеру, а вскоре после этого, показывая Александру I⁷ произведённые постройки и называя молодого строителя, граф Аракчеев⁸ откомендовал Львова как отличного офицера. Находившийся тут же будущий император Николай I⁹, как знаток инженерного и строительного искусств, обратил на него своё внимание.

В 1821 году он произведён в капитаны и получил орден св. Владимира 4-й ст.; а через год назначен старшим адъютантом в штаб военных поселений, где два раза был награждён бриллиантовыми перстнями по представлению Аракчеева, продолжавшего благоволить к нему. Все это время, не-

¹ Интернет ресурс: www.narvamuusika.ee

² Плейель Игнац (1757–1831) – французский композитор и издатель, основатель фортепианной фабрики «Плейель»; Боккерини Луиджи (1743–1805) – итальянский виолончелист и композитор; Моцарт Вольфганг Амадей (1756–1791) австрийский композитор и музыкант-виртуоз.

³ Березина Надежда Ильинична (1776–1810) – мать Алексея Фёдоровича Львова; племянница Марии Алексеевны Львовой (урожденной Дьяковой).

⁴ Николай Александрович Львов умирает в 1803 году, а через четыре года, в 1807 году, умирает его жена – Мария Алексеевна Дьякова (1755–1807).

⁵ Державина Дарья Алексеевна (1767–1842), урожденная Дьякова, была родной сестрой Марии Алексеевны Дьяковой.

⁶ Львова Елизавета Николаевна (1788–1864) – дочь Н.А. Львова (1753–1803) и М.А. Дьяковой (1755–1807); приходилась племянницей Алексею Львову.

⁷ Александр I (1777–1825) – император Всероссийский. Старший сын Павла I (1754–1801) и Марии Фёдоровны (1759–1828).

⁸ Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834), граф – русский, государственный и военный деятель, генерал от артиллерии, член Государственного Совета, сенатор, пользовавшийся огромным доверием Павла I и Александра I. Умер в своём имении Грузино.

⁹ Николай I Павлович (1796–1855) – император Всероссийский. Третий сын Павла I. Родной брат Александра I.

смотря на тяжёлую службу, он не оставлял занятий музыкой и каждый день находил время поиграть на скрипке, нередко засыпая от усталости с нею в руках. В 1825 году Аракчеев не принял участия в подавлении восстания декабристов и был отправлен новым царём в отставку. Воспользовавшись этим, 3 февраля 1826 года Львов уволился со службы в чине майора.

В отставке он пробыл недолго. В ноябре 1826 года Бенкендорф¹ предложил Алексею Фёдоровичу должность старшего адъютанта Жандармского корпуса. Судя по всему, у Львова не было выбора. Его братья – Илья и Василий², а позже муж сестры Алексей Семёнов³ были арестованы по делу декабристов, но после очных ставок с доносчиками, которые, в конечном счёте, отреклись от своих показаний, их отпустили. При этих обстоятельствах отказ Львова от службы у Бенкендорфа едва ли был возможен.

Однако, зная на какую службу он поступает, Алексей Фёдорович просил, чтобы Бенкендорф не употреблял его «по секретной части». Он считал, что «совершенно к тому неспособен». Просьба его была удовлетворена, и ему поручены были все дела главной императорской квартиры и собственно Его Величества конвоя.

«С тем вместе, – пишет он, – я обязан был следовать во всех путешествиях Государя и исполнять должность секретаря собственной канцелярии графа». В обязанности секретаря входило ведение документации корпуса и канцелярии III отделения. Государь, соглашаясь на определение Львова на эту должность, сказал Бенкендорфу: «Возьми его, он хороший офицер, сумел восемь лет прослужить у Аракчеева».⁴

Несколько лет Алексей Львов совмещает должности управляющего делами главной императорской квартиры и императорского конвоя, а также секретаря канцелярии шефа жандармов. Возглавляя личный конвой Его Императорского Величества, состоявший из двух (Горский и Кавказский) полускадронов в 138 всадников, он отвечал за личную безопасность императора во время его поездок по России и за рубежом, сопровождая его во всех гражданских и военных компаниях.

В 1828 году Львов с главной квартирой отправился, по случаю войны с Турцией⁵, за Дунай в качестве заведующего делами главной квартиры и находящегося в свите государя «для производства дел, до вояжей относящихся». Там он оказался свидетелем сражения при Шумле, осады и взятия крепости Варна.

А.Ф. Львов сопровождал Николая I в поездках в Берлин, Варшаву, в 1831 году, заменив заболевшего холерой Бенкендорфа, – в путешествии по России. В 1833 году ему присвоено звание кавалергарда.

К этому же году относится его серьёзная инженерная работа – проект изящного арочного моста в имении Бенкендорфа в Фалле (недалеко от Ревеля, теперь это Кейла-Йоа).

Александр Христофорович Бенкендорф в своем имении под Ревелем, доставшемся ему от отца, задумал ряд преобразований. По заказу Бенкендорфа, малоизвестный в то время архитектор А.И. Штакеншнейдер⁶, рекомендованный ему Огюстом Монферраном⁷, за 2 года создал «Замок Фалль»: «На берегу моря в холмистой местности, окутанной лесами, над крутым скалистым берегом реки, против шумного пенистого водопада стоит дом с высокой башней, с террасой, с балконом, в том затейливом, несуровом готическом стиле, который при Николае I был пущен в ход архитектором Штакеншнейдером».⁸ Усадьба получила название «Фалль» или «Замок Фалль» по главной своей достопримечательности – естественному водопаду (по-немецки fall). Большое впечатление на гостей производил огромный парк, окружавший главный дом усадьбы.⁹

¹ Бенкендорф Александр Христофорович (1782–1844) – русский государственный деятель, военачальник, генерал от кавалерии. Из дворянского рода немецкого происхождения, сын рижского гражданского губернатора Христофора Бенкендорфа (1749–1823). Брат Константина Бенкендорфа и Доротеи (Дарьи) Ливет (урожденная Доротея фон Бенкендорф).

² Илья Фёдорович (1797–1841); Василий Фёдорович (1803-?).

³ Семёнов Алексей Васильевич (?) – сенатор, действительный статский советник. В 1825 году был арестован, но впоследствии освобождён по заверению его друга Пушкина о непричастности к декабристам. Муж сестры Дарьи.

⁴ Львов Л.Ф. Воспоминания//Русский архив. – 1885. Кн. 1.

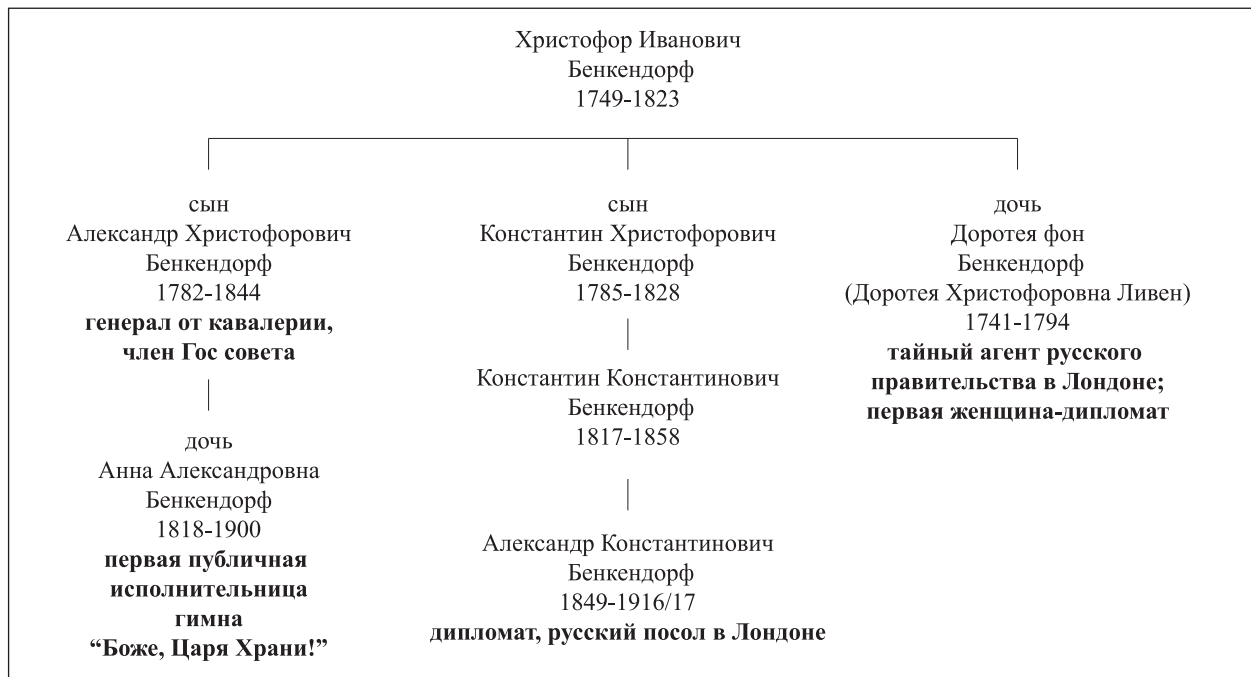
⁵ Русско-турецкая война 1828–1829. Осада крепости Варна (13 июля – 29 сентября 1828 года) – эпизод русско-турецкой войны.

⁶ Штакеншнейдер Андрей Иванович (1802–1865) – русский архитектор, спроектировавший ряд дворцов и зданий в Санкт-Петербурге и Петергофе.

⁷ Монферран Огюст (1786–1858) – архитектор, строитель Исаакиевского собора и Александровской колонны в Санкт-Петербурге.

⁸ Волконский С.М. Мои воспоминания. В 2 тт. Т.2. М., 1992. С.112–113.

⁹ Лада Вуич. В дивном Фалле под Ревелем. Наше наследие, № 58, 2001. С.144–149.

В этом имении, находясь в гостях у Бенкендорфа, много раз музицировал Алексей Фёдорович Львов, поражая всех своими скрипичными концертами. И вот Львову, как инженеру, захотелось сделать подарок своему шефу – перекинуть мост через широкий ручей, который было неудобно обходить.

Сведения о проекте моста Алексея Фёдоровича Львова в имении Бенкендорфа содержатся на листах № 8 и 9 (в библиотеке ЛИИЖТа). Здесь приведены план, фасад и поперечное сечение моста (отверстие в свет ровно 100 футов, т.е. 30,5 м). Внизу надпись: «Построен в поместье графа А.Х. Бенкендорфа близ Ревеля, называемо Фалль».¹

Приведём текст из воспоминаний Алексея Фёдоровича Львова: «В 1833 году был у графа Бенкендорфа в его имении, близ Ревеля, Фалль; гуляя со мной в саду, он стал просить меня построить мост через реку, проходящую в его саду, шириной 100 фут. Местоположение и быстрота реки требовали мост на цепях; но граф никак не хотел, чтобы на берегах были построены какие-либо возвышения, необходимые для цепей, говоря, что они скроют лучшие виды из дома. Я ничего не обещал, потому что условие это исключало собою самое необходимое при цепных мостах. Но, задав себе задачу, я имею привычку беспрестанно о ней думать, доколе чем-нибудь не разрешу, или вовсе не откину. Я искал изобрести способ поместить цепи под мостом, и чтоб испытать первое моё соображение, я взял прутик, согнутый от природы столько, сколько я предполагал бы дать возвышения мосту, концы этого прутика связал ниткой довольно слабо, а по протяжении нитки поставил вертикально в равных расстояниях четыре стоечки, которых верхи подпирали прутик, и когда я стал давить прутик сверху, то заметил, что концы его расходились и потому натягивали нитку, которая через то подымала стожки, и, следовательно, самый мост, и мне казалось, что доколе нитка и прутик останутся целы, до того, не смотря на давление сверху, машинка моя будет в равновесии. Мысль эта более и более во мне утверждалась: так что я решился сделать опыт здесь в Петербурге, построив мост в натуральную величину на платформе. Тут я старался вспомнить чему учился, когда был инженером и всё, что приобрел опытом при построении в военных поселениях огромных мостов и строил экзерциргаузов. С этим мне легко было определить все меры и подробности при составлении планов. Мост я построил на чугунном заводе, чтоб иметь средство делать пробы сил железа, и с радостью увидел, что удачно привёл в исполнение родившуюся во мне совершенно новую мысль цепных мостов. Модель моя была совершенно удовлетворительна, так что я за лучшее счел её собрать и отправить в Фалль, куда и сам поехал. В несколько дней мост был поставлен на месте, и когда, сняв подмостки, я увидел его на крутых берегах, как ленточку, переброшенную с одного берега на другой, я был в восторге и какой-то неизъяснимой боязни.

¹ Львов А.Ф. Сооружения в военных поселениях. Научно-техническая библиотека ЛИИЖТа, листы 3-47.

Графиня Бенкендорф и её дочери, которые были тогда в Фалле, не решались пойти по мосту, доколе не увидели, что толпы мужиков переходили через него без всякой опасности. На середине моста я прибил медную доску с надписью: «От преданного и благодарного Львова 30 августа 1833 года» (т.е. день именин Александра Христофоровича). В каком был восторге добрый мой начальник, когда он увидел мост. Он не знал, как благодарить меня и всем рассказал, что я сделал чудо, всех из Ревеля созывал смотреть мост; и я, видя его искреннее удовольствие, душевно радовался...»¹.

Общий вид моста, длина которого 32 м. подтверждает высказанную Николаем I фразу: «Львов перебросил свой смычок через реку» – настолько легким и изящным оказался мост Львова.

Имение Бенкендорфа – главный дом и парк производили незабываемое впечатление на посетительниц. «Замок Фалль» вошёл в моду. Сюда приезжали многочисленные почётные гости, имена и гербы которых украсили скамьи, расставленные на дорожках парка.

За художественное изображение «Замка Фалль» высоких наград были удостоены художники Л.Х. Фрикке (1820–1893) (золотая медаль за 2 картины, 1837 г.) и С.М. Воробьев (1817–1888) (первая золотая медаль в 1838 году за картину «Вид на мызе Фалль»). На одной из картин Фрикке (хранится в Государственной Третьяковской галерее) изображена часть моста Львова, как неотъемлемая часть пейзажа.²

В 1840 году Фалль посетила английская художница Элизабет Ригби (1809–1893). Её «Письма с берегов Балтики» переиздавались около десяти раз. Среди 20 офортов Э. Ригби, украсивших второе издание (Лондон, 1842) есть вид Фалля, приложенный к письму, где рассказывается о её пребывании в имении Бенкендорфа. Восхищаясь «раем», в котором «придворный и философ, любитель природы и почитатель моды, поэт и художник, мудрец и чужак могут быть счастливы каждый на свой лад», автор создаёт словесные «живые картины», знакомящие читателя с интерьером замка и с парком.

«Там были готические залы с нишами, украшенными витражами, с колоннами, с резным дубом и мозаичными полами; несколько пожилых дам торжественно сидели на стульях с высокими спинками; группа оживлённо беседующих молодых людей важно прогуливалась на переднем плане. Затем сцена менялась, и появлялись деревья <...>, перспектива здания замка, завершающаяся линией морского берега, с яркими цветами и мраморными львами на первом плане, с барышнями в белом с настоящими розами в волосах».³

За неделю, проведенную в Фалле, мисс Ригби сделала портреты двух супружеских пар карандашом, с натуры, впоследствии налитографированные: А.Х. Бенкендорфа с женой Елизаветой Андреевной⁴ – «человека, который знает и хранит все тайны России» и «графини-матери, величественной женщины, всё ещё пребывающей в зените своих чар», и их девятнадцатилетней дочери Марии⁵ (унаследовавшей Фалль) с мужем Григорием Петровичем Волконским. Рисунку соответствует словесное описание внешности Марии Александровны — «нежное, задумчивое, бледное, как алебастр, лицо с точёными чертами, собранные в узел волосы, под тяжестью которых как будто склонилась её томная голова».⁶

Мария, уезжая за границу, брала с собой мешочек русской земли на случай внезапной смерти. Их внук Сергей Михайлович назвал второй том своих мемуаров «Родина» и начал его с воспоминаний о Фалле: «Под знаком Фалля прошёл расцвет моей детской души, и на всю жизнь «Фалль», звук этого имени, остался символом всего прекрасного...».⁷

Усадьба пережила своих владельцев. Сохранился дворец и парк. В 1921 году, покидая навсегда Россию, С.М. Волконский писал: «Что может быть прекраснее природы в нынешние дни, что отдохновеннее её беспартийности?»⁸

С.М. Волконский умер в США 25 октября 1937 года.

Мост Львова был разрушен во время 1941–1945 годов, на его месте в 1960-е годы построен новый мост – металлический, современной конструкции.

¹ Львов А.Ф. Записки. Русский архив, 1884. Т.2. Кн. 3–4. С. 244–245.

² Фёдоров-Давыдов А.А. Русский пейзаж XVIII – начала XX в. М., 1986. С. 29–30.

³ Тексты из книги «Miss Rigby. Letters from the shores of the Baltic. London. 1842» переведены Ладой Вуич. 2001.

⁴ Бибикова Елизавета Андреевна (1788–1857) – сестра Санкт-петербургского коменданта Н.А. Захаржевского (1792–1845); вдова подполковника П.А. Бибикова (1784–1812).

⁵ Мария (Маргарита) (1820–1880) – с 1838 года была первой женой князя Г.П. Волконского (1808–1882). Дочь Елизавета Григорьевна Волконская (1838–1897). Внук Сергей Михайлович Волконский (1860–1937).

⁶ Там же. С. 105.

⁷ Волконский С.М. Мои воспоминания. В 2-х томах. М. Т. II. С. 6.

⁸ Там же. С. 74.

Боже, Царя храни!

Боже, царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу нам,
Царствуй на страх врагам,
Царь православный!
Боже, царя храни! (1833 год)

С именем Бенкендорфа под Ревелем связана также история создания гимна России. И смычок, ставший неотъемлемым символом А.Ф. Львова, в ней тоже фигурирует.

В 1832 году Алексей Львов сопровождал императора в официальной поездке в Австрию и Пруссию, где его, как обычно, приветствовали музыкой «God, save the King», имевшей английскую мелодию и утверждённой царём Александром I в 1816 году в качестве русского гимна¹. Главной целью зарубежного визита царя было восстановление Священного союза христианских государств Европы. Но это не получилось. Постепенно охладевали отношения России с Англией. В одну из поездок царь бросил Бенкендорфу – «мне надоели чужие гимны».²

Сам композитор написал об этом следующие строки: «В 1833 году граф Бенкендорф сказал мне, что государь, сожалея, что мы не имеем своего народного гимна и, скучая слушать музыку английскую столько лет употребляемую, поручает мне попробовать написать гимн русский. Эта задача показалась мне весьма трудною, когда я вспомнил о величественном гимне английском, оригинальном гимне французов и умилительном гимне австрийском.

Я чувствовал надобность написать гимн чувствительный, для всякого понятный, имеющий отпечаток национальности, годный для церкви, годный для войск, годный для народа – от учёного до невежды. Все эти условия меня пугали, и я ничего написать не мог. В один вечер, возвратясь поздно домой, я сел к столу, и в несколько минут гимн был написан. Написав эту мелодию, я пошел к Жуковскому, который сочинил слова «Молитва русских» – таково было первое название гимна), но как не музыкант, не приноровил слов к минору окончания первого колена. Однако положив гармонию простую, но твердую, я просил графа Бенкендорфа послушать».³

Слова к готовой мелодии пишет Василий Андреевич Жуковский⁴ – близкий и преданный царской семье человек: ему было поручено воспитание наследника.

Жуковский начал гимн словами, которые он уже однажды писал в гимне 1814 года, являвшегося русской подтекстовкой английского гимна «God, save the King!». Фраза «Боже, Царя храни!» уже осела в русских умах и кратко, но ярко выражала отношение русского народа к самодержавию. Императором Николаем Павловичем было высказано пожелание, чтобы в мелодии и тексте гимна не было фанфарных звучаний, призывов к победе, а звучала музыка близкая к молитве. И, видимо поэтому, первоначально совместное произведение было названо «Молитва русского народа». После опубликования текста в 1834 году поэт назовёт свой труд «Народные песни», включив три стихотворения. Слова первого стихотворения «Боже, Царя храни!» и явились названием первого российского национального гимна.

Боже, царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!

¹ В качестве гимна в России использовалось несколько произведений: хор «Коль славен наш господь в Сионе» Д.О. Бортянского, который, в силу религиозного текста не отвечал потребностям светских приемов и церемоний; английский гимн «God, save the King» (Боже, храни короля!), заимствованный у англичан, еще 23 странами Европы. Любопытно, что авторство «God, save the King» приписывалось самым разным композиторам, в том числе прославленным Г.Ф. Генделю (1685–1759) и Ж.Б. Люлли (1632–1687), некоему лондонскому учителю музыки Генри Кери (около 1690–1743), внебрачному сыну маркиза Голифакса (1633–1695). И лишь в последнем издании «Британики» официально сообщено: «Автор музыки и слов неизвестен».

² Ольцвель В. Скрипка для гимна. «Молодёжь Эстонии», 11.12.2000 г. URL <http://www.moles.ee/00/Dec/11/7-1.html>

³ Львов А.Ф. Записки.//Русский архив. – 1884. – М. – С. 243

⁴ Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) – русский поэт, один из основоположников романтизма в русской поэзии, переводчик поэзии и прозы, литературный критик, педагог, учитель русского языка великой княгини, а затем императрицы Александры Фёдоровны и наставника цесаревича Александра Николаевича.

Гордых смирителю,
Слабых хранителю,
Всех утешителю –
Все ниспошли! (1814 год)

27 мая 1833 года состоялось официальное открытие имения Бенкендорфа вблизи Ревеля – «Замок Фалль». На это открытие прибыл сам император, а также съехалось много именитых персон. Именно в тот вечер Алексей Львов попросил императора выслушать его скромный опус. У Алексея Фёдоровича музыкального сопровождения не было – он должен был играть всё за всех, т.е. играть на скрипке, петь и изображать. Николай I нот не знал, но музыку понимал прекрасно. Вообразите, как могло звучать первое исполнение «Боже, Царя храни!». Тем не менее, Николай I сходу уловил лейтмотив и выразил высочайшее благоволение автору.

Молодой Львов в восторге выскочил на берег речки и выбросил свой смычок в бурные воды, заявив, что «после этого смычок не имеет права исполнять хоть кто-нибудь ещё».

Официально гимн «Боже, Царя храни!» был исполнен впервые 23 ноября 1833 года в зале придворной капеллы в присутствии государя и всей царской фамилии. Николай Павлович проследил за исполнением и сказал: «Спасибо, прелестно, ты совершенно понял меня». Автограф автора гимна остался в квартире редактора «Русской музыкальной газеты» Н.Ф.Финдейзена¹.

11 декабря в Москве, в Большом театре состоялось первое публичное исполнение гимна хором и оркестром. Успех был потрясающим. Гимн, по требованию публики, был повторён трижды. 25 декабря 1833 года гимн прозвучал в Санкт-Петербурге в Зимнем дворце на церемонии освящения знамен.

Затем Указом Его Императорского Величества от 31 декабря 1833 года гимн «Боже, Царя храни» был объявлен официальным гимном России, каковым и остался до крушения династии Романовых. После утверждения царём гимн подлежал исполнению на всех парадах и разводах караулов, при освящении знамени, на утренней и вечерней молитвах в армии, на встречах императорской четы войсками, во время принятия присяги. Нередко он звучал во время открытия фабрик, заводов, выставок. Гимн пели на балах, на банкетах после здравниц в честь императора. В театре было принято петь гимн во время появления государя в ложе. В ответ на приветственные возгласы «Ура» следовали ответные поклоны царя. Тот же ритуал соблюдался в конце спектакля.

И, наконец, 30 августа 1834 года эта мелодия впервые прозвучала как национальный гимн при открытии Александровского столпа на Дворцовой площади Петербурга.

Самое помпезное его исполнение состоялось 9 сентября 1835 года, в день рождения Константина Николаевича – тогда гимн исполнили 2400 музыкантов, перед вечерней зарёй. Эффект пьесы, сыгранной такой массой, был истинно бесподобный.

Николай I наградил Львова, автора гимна, золотой табакеркой с бриллиантами, из которых лучший камень, по совету его бабушки, помещён в образе Божьей Матери Всех Скорбящих² в церкви на Шпалерной (Санкт-Петербург). К гербу братьев Львовых по распоряжению царя был добавлен девиз: «Боже, царя храни».

Авторство в создании государственного гимна принесло А.Ф. Львову самую большую славу. Это прекрасно понимал и его соавтор. Незадолго перед смертью В.А. Жуковский написал А.Ф. Львову: «Наша совместная двойная работа переживёт нас долго. Народная песня, раз раздавшись, получив право гражданства, останется навсегда живою, пока будет жив народ, который её присвоил. Из всех моих стихов, эти смиренные пять, благодаря Вашей музыке, переживут всех братьев своих. Где не слышал я этого пения? В Перми, в Тобольске, у подошвы Чатырдага, в Стокгольме, в Лондоне, в Риме!».³

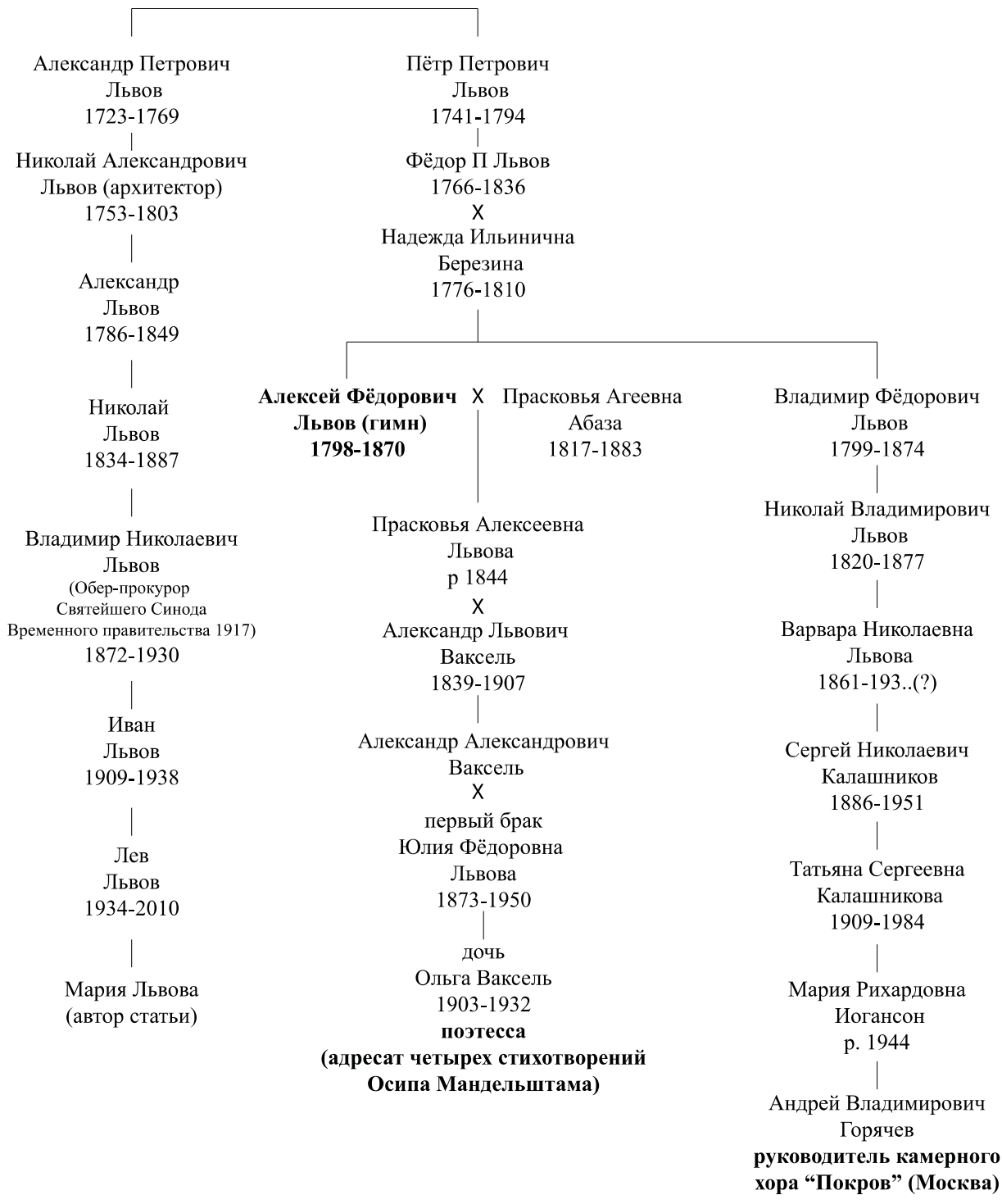
А вот что пишет в 1900 году Н.И. Черняев (1853–1910), теоретик самодержавия, пушкинист, театральный и литературный критик: «Смело можно сказать, что ни одно произведение светской

¹ Финдейзен Николай Федорович (1868–1928) – русский писатель, журналист, музыковед, редактор и издатель. С 1894 по 1918 год он издавал и был главным редактором журнала «Русская музыкальная газета».

² В настоящий момент местонахождение образа не известно.

³ Соболева Н.А. Российская государственная символика: история и современность. – М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 2003.

Пётр Семенович
Львов
умер 1746

музыки не пользуется в России такую широкою известностью, как Народный гимн. Он исполняется и полковыми, и школьными оркестрами, и хорами, и в театрах, и под открытым небом, – исполняется на всём пространстве Российской Империи. К сожалению, имя Львова забыто. Оно известно лишь весьма немногим. Жаль. Народный гимн доказывает, что у Львова был выдающийся композиторский талант. Музыка Народного гимна не оставляет в том никакого сомнения. Она оригинальна и находится в полном соответствии со словами Жуковского. Её строго выдержанный,

величавый, торжественный, важный и грандиозный стиль, как нельзя лучше передает дух русского государственного строя, дух русского Самодержавия».¹

В следующем году Львов был назначен флигель-адъютантом и продолжал сопутствовать государю в его поездках по России и за границей.

14 декабря 1836 года скончался отец Алексея, и директором придворной певческой капеллы 2 января 1837 года был назначен он сам, как лично известный государю большой знаток музыки и артист-скрипач. С этого времени музыкальные интересы заполняют всю жизнь, что, однако, не помешало ему остаться в свите.

6 ноября 1839 года Алексей Фёдорович Львов женится на Прасковье Агеевне Абазе (1817–1883). Отец её – Аггей Васильевич (1782–1852) – из рода молдавских дворян, действительный статский советник, отец многочисленного семейства. Крупный помещик Орловской губернии, имел в Петербурге прекрасный дом с садом. Венчание состоялось в церкви Аничкова дворца; посаженными родителями были Николай I и графиня Е.А. Бенкендорф; они же впоследствии явились и крестными родителями детей Львова: Федора (1842–1899), дочерей Просковьи (1844–1920) и Александры (1846-?).

В 1840 году вместе с матерью и женой Алексей Фёдорович совершил концертное (а не служебное на этот раз) заграничное турне. Едет как светский, а не государственный человек, надевает партикулярное² платье и преобразовывается в артиста. Перед полковником свиты русского императора были открыты все двери и, выступая в салонах (только в салонах, чтобы не сойти за обычного «земного» артиста), Львов объезжал столицу за столицей, не забывая знакомиться едва ли не со всеми музыкальными авторитетами Европы: в Берлине – с Мейербером (1791–1864) и Спонтини (1774–1851), в Лейпциге – с Мендельсоном (1809–1847)³ и Шуманом (1810–1856), в Эмсе – с Листом (1811–1886), в Лондоне – с Мошелесом (1794–1870), в Париже – с Керубини (1760–1842) и Байо (1771–1842). И даже этих виднейших музыкантов его выступления поразили. Спонтини, по словам Львова «целовал меня как сына»⁴, а Шуман разразился восторженной статьёй, где, в частности, сказал: «Автор знаменитого русского народного гимна и других сочинений, которые ещё ждут своего опубликования, г-н полковник Алексей Львов, адъютант Его Величества императора всероссийского, прибыл в наши края несколько дней тому назад. Его деятельность, хотя и тяготеющая по преимуществу к высоким кругам, с которыми он соприкасается, благодаря своему положению, получила всё же почти что европейскую известность, и потому, будучи уверены, что нас правильно поймут, мы со своей стороны позволим себе публично вплести в его лавровый венец ещё один скромный листок. Дело в том, что наш уважаемый гость дал нам возможность познакомиться в узком кругу с его выдающимся искусством исполнителя скрипача. Автор настоящей заметки причисляет этот час к самым прекрасным, когда-либо дарованных ему музыкой и его исполнителями. Г-н Львов – скрипач настолько примечательный и редкостный, что он может быть поставлен в один ряд с первыми исполнителями вообще. Это словно явление из иного мира; это музыка, которая льётся из своих числейших глубин; музыка настолько новая, своеобразная и свежая в каждом своём звуке, что зачарованному слушателю хочется лишь одного – слушать и всё время слушать. Ведь как часто, к сожалению, профессиональный исполнитель теряет в мирской суете все эти бесценные сокровища, эту целомудренность, непосредственность и просветлённость, в которых заключается сущность его силы как художника, и как часто должен он, к сожалению, ими жертвовать в угоду неизменным требованиям толпы, пока они, в конце концов, не растворятся в привычках, заполняющих жизнь художника... мы наслаждаемся не только виртуозностью, но и человеком – цельным, прекрасным и сохранившим свою внутреннюю свежесть. И всё это я говорю, прослушав лишь два квартета: один Моцарта и другой Мендельсона, в которых г-н

¹ Черняев Н. Народный гимн и автор его музыки, А.Ф. Львов (В кн. «Необходимость самодержавия для России». – Харьков, 1901 год).

² Партикулярный – от латинского *particularis*; частный, неофициальный, неслужебный, неформальный. Партикулярное платье – невоенное, гражданское.

³ Хорошо понимая боязнь Львова быть принятым за простого музыканта, Мендельсон, в частности, его успокоил: «Не опасайтесь, это избранное общество, которое я сам пригласил, и после музыки вы узнаете имена всех лиц, находящихся в зале». – Записки... с. 256-257.

⁴ Там же.

Львов играл первую скрипку. Присутствовал сам Мендельсон, и всё говорило за то, что ему вряд ли приходилось слышать свою музыку в более прекрасном исполнении. Это было настоящее наслаждение...»¹.

Это была не единственная рецензия, данная знаменитому нашему соотечественнику выдающимися музыкантами Европы.

Алексей Фёдорович и раньше бывал за границей, но в составе царской свиты и потому не мог выступать как артист, но он слышал многих знаменитостей того времени и имел представление об исполнительском искусстве эпохи. Так, в 1830 году он слышал выступление Паганини. Но игра знаменитого музыканта, «имевшего репутацию первого скрипача в мире, не сделала на меня ожидаемого впечатления; но с тем вместе я был до крайности удивлён неслыханными трудностями, которые он делал с невероятною чистотой и верностью: скрипка его представляла то флейту, то гитару, то, наконец, в «Carnaval de Venise»² уток, гусей, ослов, свиней и пр...», напишет Львов в своих «Записках».

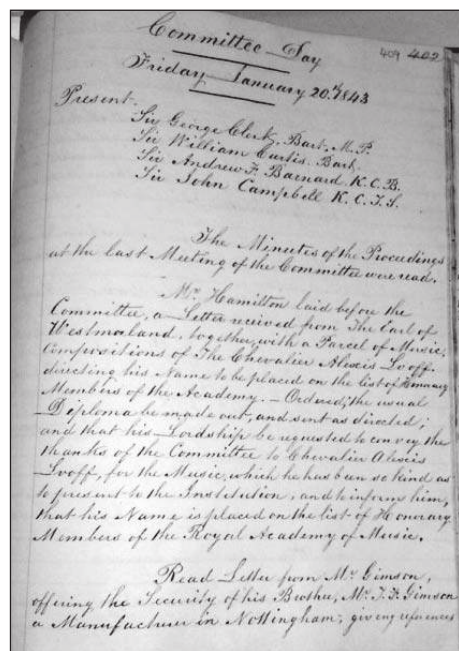
Триумфальное путешествие по Европе продолжалось более полугода, и только в конце ноября 1840 года Львовы вернулись в Петербург.

Юрий Карлович Арнольд³ в своих воспоминаниях даёт словестный портрет Львова тех лет: «Алексей Фёдорович был среднего роста и довольно статного сложения; в приёмах его высказывался человек военный и вместе с тем придворный. Лицо у него было несколько сухощавое и смугло-матового цвета, а волосы, усы и небольшие бакенбарды чёрные. Волосы носил он короткие и причёсанные по военной форме и подстригал также усы и бакенбарды. Черты этого лица были довольно правильные, но в них выражалась некоторая суровая строгость. В общении, впрочем, он был крайне вежлив и даже любезен, а тем, с кем он ближе был знаком, умел он даже высказывать некоторую сердечную теплоту. Он был весьма образован и много начитан, а музыкальной наукой очень основательно знаком».⁴

Дальнейшие этапы его биографии таковы: в 1843 году – генерал-майор с оставлением в свите; 1853 – тайный советник со званием гофмейстера; 1855 – сенатор. За годы службы награждён множеством орденов. Для нас сегодня интересны поводы награждений: 1828 год, за военный поход – Бант на Владимирский крест, Орден Св. Анны; 1834 год, за разработку горских костюмов – Шведский орден меча; 1835 год, за участие в манёврах – Орден Св. Иоанна Иерусалимского, Командорский крест Св. Леопольда Австрийского; 1837 год, заграничную командировку – Орден Св. Владимира III степени; 1838 год, заграничную командировку – Орден Прусского Красного орла IV степени, Бриллиантовые украшения к Шведскому мечу; 1847 год – Орден Станислава I степени; 1859 год, по случаю совершеннолетия наследника – Орден Св. Владимира II степени.

Известен Львов и в качестве композитора. Сочинять он начал ещё в детстве, получив, наряду с исполнительской, и основательную теоретическую подготовку – с ним занимались лучшие петербургские педагоги гармонии и контрапункта. По композиции Львов занимался у И.Г. Миллера – учителя М.И. Глинки. «Нежные звуки милой скрипки Львова врезались в моей памяти», – писал М.И. Глинка.⁵

В дальнейшем уроков композиции Львову брать не приходилось. Но благодаря титулу автора и бесспорной репутации превосходного скрипача, его произведения оказывались предметом обсуж-

Первый лист рукописного Протокола о внесении Алексея Федоровича Львова в список почетных членов Королевской академии музыки в Лондоне.

20 января 1843 года. Фотокопия предоставлена Королевской академией музыки в Лондоне.

¹ Шуман. Статья «Алексей Львов» сс. 230-231

² Карнавал Венеции – фр. яз.

³ Арнольд Юрий Карлович (1811–1898) – русский музыкальный теоретик, критик, композитор, вокальный педагог.

⁴ Арнольд Ю.К. Воспоминания: В 3 вып. Вып. 3. – М., 1893. – С. 67-68.

⁵ Суханов Вадим «Тайны веков» USL <https://unotices.com/book.php?id=135461&page=65>

«П. Виардо (Бианка) и А. Тамбурины (Сигизмондо) в опере А.Ф. Львова «Бьянка и Гвальтьеро».

Литография Гюйо с рисунка К.П. Брюллова. 1845 год. Данный экземпляр этой редкой литографии хранится в тургеневском собрании ГЛМ.

дения русской и особенно западной критики. К тому же почти за каждым из них стояло имя видного зарубежного музыканта, либо давшего сочувственный отзыв, либо исполнившего произведение в своём концерте.

Алексею Фёдоровичу принадлежат: 24 этюда для скрипки, драматический скрипичный концерт, «Ле Дуэль для скрипки и виолончели», «Увертюра Си-дюр», «Фантазия для скрипки и хора на русские темы», «Военный хор» и др. Оперы: 1) «Бьянка и Гуальтьеро», поставленная в 1844 году в Дрездене и в 1845 году в Петербурге; 2) «Ундина» — на текст Жуковского, поставленная в 1849 году также в Петербурге и возобновлённая в 60-х годах; 3) «Староста Борис, или Русский мужичок и французские мародёры в 1812 году», поставленная в сезон 1854-55 годов и 4) оперетта «Варвара». Все эти произведения написаны для своего времени с большим знанием дела, с применением вполне современной музыкальной техники, нередко с творческим подъёмом,

рельефно выступающим в вокальных частях и хорах последних названных сочинений.

Во время представления «Бианки» в Петербурге главные партии исполнили европейские знаменитости: П. Виардо¹, Д. Рубини² и А. Тамбурини³. В память о таком созвездии артистов Карлом Брюлловым по заказу Львова была написана картина, изображающая известных певцов в сцене из этой оперы. Однако в целом оперы большого успеха не имели и со временем забылись.

Первым сочинением Львова стал не дошедший до наших дней скрипичный концерт, исполненный им на благотворительном вечере в 1817 году. К сожалению, нам ничего не известно о его композиторской «стезе» вплоть до начала 1830-х годов: сочинял ли он вообще или был увлечён служебной карьерой и исполнением.

Одним из лучших сочинений Львова, несомненно, следует считать Стабат Матер (Stabat Mater) для хора, солистов и оркестра в семи частях, написанную в начале 1850-х годов. В русской поэзии Стабат Матер впервые возник в переводе В.А. Жуковского. Тема страдания и воскрешения волновала Алексея Фёдоровича Львова. Вначале он переложил для хора и большого оркестра Стабат Матер Перголези (1710-1736), за что получил, почётное звание магистра Болонской академии. Кроме того, в 1850 году Львов написал собственный вариант Стабат Матер для сопрано, меццо-сопрано женского (детского) хора и струнного оркестра, названный «Молитва у Креста». Премьера произведения состоялась 14 января 1851 года в зале Певческой капеллы с участием итальянских солистов и в присутствии членов царской семьи. Всего состоялось три премьерных концерта, доходы от которых автор направил на благотворительность. В 1853 году Стабат Матер Алексея Фёдоровича Львова прозвучала в Вене и Штутгарте. В Европе это произведение получило восторженные отзывы в прессе. А после исполнения Стабат Матер во Флоренции члены Академии изящных искусств единогласно присвоили Алексею Львову звание профессора и капельмейстера Академии. Её даже сравнивают с одноимённым сочинением Россини⁴, находя у Россини страсть, а у Львова – «благоговейные чувства», у Россини – «разносторонность», а у Львова – единство стиля и т.д.

Много энергии затратил композитор, добываясь разрешения исполнять Стабат Матер на русском языке. Уже после того, как духовная цензура позволила ему осуществить это намерение, последовал запрет императора, отмены которого автор смог добиться только в 1868 году, за два года до своей смерти.

¹ Гарсиа-Виардо, Полина Мишель Фердинанда (1821–1910) – испано-французская певица, вокальный педагог и композитор.

² Рубини, Джованни Баттиста (1794–1854) – итальянский оперный певец-тенор.

³ Тамбурини, Антонио (1800–1876) – итальянский оперный певец, баритон.

⁴ Россини, Джоаккино (1792–1868) – итальянский композитор, автор 39 опер духовной и камерной музыки.

В 1855 году композиторские успехи Львова получили за границей новое подтверждение: в венском музыкальном журнале появилась статья «Русские композиторы» А.Г. Рубинштейна¹, который в это время жил в Веймаре у Ф. Листа, и именно под его влиянием обратился к написанию очерка. Здесь Рубинштейн называет Львова в одном ряду с Глинкой, к этому времени автором обеих опер и симфонических увертюр. Статья рассорила Рубинштейна с Глинкой, но зато весьма способствовала упрочению заграничной репутации Львова.

В 1859 году в качестве приложения к своему труду «Советы начинающему играть на скрипке» (первому инструктивному труду, который написал и издал русский скрипач) Львов написал 24 (во всех тональностях) каприза для скрипки соло, удостоенные высокой оценки самого А.Н. Серова²: «Превосходный труд русского музыканта делает автору величайшую честь, принося скрипачам пользу и увеличивая музыкальную сокровищницу вообще». Капризы имели резонанс и за границей: одобренные Ш. Берио³, они были рекомендованы и для изучения в Брюссельской консерватории.

Львову было торжественно поручено сочинение так называемых «штучек» для домашних концертов в покоях императора Николая I, который сам участвовал в них, играя на трубе, супруга ему аккомпанировала на фортепиано. По воспоминаниям мачехи Львова, императрица Александра Фёдоровна как-то преподнесла ей собственноручно нарисованную картинку, свидетельствующую о том, насколько Николая I увлекали «штучки» Львова: часы показывают глубокую ночь, свеча оплыла, в кроватке заливается плачем ребёнок и лишь Николай, не замечая ничего вокруг, усердно дует в трубу – репетирует.⁴

Занимая в течение 24-х лет должность директора придворной певческой капеллы, Львов своими трудами составил себе большое имя в области церковного пения. Деятельность его в этом отношении обширна и обнимает собою все стороны современной ему церковно-певческой жизни.

Сюда, прежде всего, относится издание придворной капеллой образцовых книг церковных напевов, получившее название «Придворного Обихода». То, что понимается теперь в смысле хорового обихода, совершенно не существовало до Львова. Единственным предшествующим обиходу изданием обычных напевов служило напечатанное в 1835 году «Пение божественной литургии» на два голоса. Оно не могло удовлетворить потребностям даже самой капеллы при отправлении ею церковных служб при Высочайшем Дворе.

В 1846 году Львов предпринял труд положения на ноты всех духовно-музыкальных сочинений, какие поются в придворных церквах во весь круг года. В 1857 году «Обиход» был выпущен в свет в двух книгах и с этого времени до конца 60-х годов имел более 12-ти изданий. В «Обиходе» Львова наше обычное пение впервые получило весьма удобную для исполнения нормальным церковным хором и вполне правильную в музыкальном отношении редакцию, остающуюся во всеобщем употреблении до настоящего времени лишь с незначительными изменениями.

Для своего времени издание было целым событием, так как отсутствие подобного образцового изложения обычных напевов вносило беспорядочность в пение церковных хоров, а восполнение его было не под силу не только отдельным лицам, но и каким-либо другим, кроме капеллы, учреждениям.

Рядом с «Обиходом» нотного церковного пения, употребляемого при Высочайшем Дворе, должны быть поставлены многочисленные переложения Львова одноголосных церковных распевов — знаменного, киевского, греческого и др. — на полный хор. Львов предполагал переложить «в гармонию

Замок Фалль. Рисунок Элизабет Рикби к изданию «Miss Rigby. Letters from the shores of the Baltic. London. 1842». (Фотом – <https://catalog.hathitrust.org>)

¹ Рубинштейн, Антон Григорьевич (1829–1894) – русский композитор, пианист, дирижер, музыкальный педагог.

² Серов Александр Николаевич (1820–1871) – русский композитор и музыкальный критик; действительный статский советник.

³ Берио Шарльз Огюст (1802–1870) – бельгийский скрипач, композитор, музыкальный педагог. Муж легенды мирового оперного искусства Марии Малибран (1808–1836).

⁴ Рассказы, заметки и анекдоты из записок Е.Н. Львовой // Русская Старина. 1880. Т.27. с. 641

Герб рода Львовых.
Общий гербовник. XI-41.

«А.Ф. Львов на контроле в Красном селе» кисти А.И. Ладюрнера.
Между 1840–1845 гг. Государственный литературный музей. Москва.

Надгробная плита на могиле А.Ф. Львова
на территории Пожайского православного монастыря
под Каунасом (Литва). Фото автора статьи.

А.Ф. Львов. Поясной портрет работы П.Ф. Соколова,
1836. Акварель, бумага. Фрагмент (эскиз?) акварельного
портрета, хранящегося в Гос. Литературном музее. —
КР РИИИИ, ф. 3, оп. 6, ед. хр. 7.

Картина «Вид на мызе Фалль графа А.Х. Бенкендорфа близ Ревеля.
Холст, масло. 1837 год. Художник —
Фрикке Логгин Христофорович (1820–1893)

хорного состава всё, что Св. Синодом издано в одну строку». Это издание, по мысли Львова, должно было дать вместе с «Обиходом» навсегда полный круг древнего церковного пения в четырехголосном изложении. Под руководством и наблюдением Львова был составлен и напечатан полный круг простого нотного пения на 4 голоса в семи книгах.

Уже сама мысль о надобности гармонизовать полный церковный круг древних напевов для сороковых годов 19-го столетия была замечательной; она с большою пользою отвлекала внимание хоров от распространившегося в то время пристрастия к творениям провинциальных самоучек-композиторов и имела целью дать прямо на клирос, в руки певцам, в музыкальном отношении правильно, а нередко и красиво сделанные переложения древних напевов.

Духовно-музыкальные сочинения Львова положили начало новому направлению, выдвинувшему на первый план текст песнопений и подчинившему ритм музыкальный словесному.

Как было сказано в самом начале, ведущие европейские музыкальные академии в Риме, Флоренции, Болонье, Лондоне, Берлине, Амстердаме удостоили Львова звания своего Почётного члена. Данные обстоятельства представляются нам очень важными в сегодняшней международной ситуации. Музыка не признаёт границ и политики, и возрождение памяти А.Ф. Львова на Родине и в Европе является фактором культурной дипломатии, так называемой «мягкой силы», улучшающей понимание роли России в международном пространстве.

Потомок музыкальной семьи Львовых – Андрей Горячев вместе со своим Камерным хором «Покров» и единомышленниками возрождает память о Львове и возвращает к жизни творения композитора. Мемориальные концерты прошли в 2009-2016 годах в Эстонии и Литве.

В 2017 году режиссёром Верой Токаревой был снят полнометражный документальный музыкальный фильм о жизни композитора, который будет показан в России, Эстонии, Литве, Великобритании, Италии, Германии, Голландии, Австрии и Швейцарии.

В юбилейный 2018 год нашим долгом является вспомнить великого предка, когда по мере возвращения забытых и утерянных страниц нашей истории повышается интерес русских людей к своему прошлому.